

Цена твоей беременности

Автор:

Ева Ройс

Цена твоей беременности

Ева Ройс

Меня предала лучшая подруга, причем подставила так, что я оказалась в тупике. Однако мой босс, Дмитрий Воскресенский, вместо того, чтобы уволить и сдать полиции, сделал мне предложение, от которого невозможно отказаться.

"Ты родишь мне наследника или окажешься за решеткой", – сказал он.

И у меня просто не осталось выбора, кроме как согласиться.

Но почему это все происходит со мной? Просто случайность или за всем кроется очень запутанная история?

Содержит нецензурную брань.

Ева Ройс

Цена твоей беременности

Глава 1. Предательство

Виктория Солдатова

Люди такие странные существа. Мы понимаем, что будет больно, но подставляем спину для удара близкому человеку. Причем так, чтобы ему было удобно бить.

Я ведь знала, что Алена пускает слухи обо мне, знала, что она совершенно не случайно пролила кофе на срочный контракт и даже знала, что именно она настучала боссу "правдивую" информацию обо мне. Знала, но ничего не предпринимала, потому что, в отличие от нее, я дорожила нашей дружбой и ценила то, что она сделала когда-то для меня. И теперь Аленка получила лелеемую должность, а я ярость со стороны начальства и, вероятно, волчий билет в трудовую книжку.

– Вы хоть представляете, какие убытки понесла компания? – злой взгляд генерального таранил меня уже десятую минуту. – Отвечайте.

– Да. – Я склонила голову еще ниже, чтобы скрыть влажные глаза и чтобы никоим образом не посмотреть на Дмитрия Сергеевича. Страшно и безумно стыдно за свою мягкотелость.

– Да ладно! – усмехнулся мужчина. – Судя по вам, подобную сумму вы видели... нигде.

Я почти до крови укусила собственную губу. Боль немного отрезвила меня и дала еще немного выдержки. Меня уже ноги не держали. Колени тряслись, голова кружилась, а во рту будто пустыня Сахара. Еще чуть-чуть, и я упаду прямо на пол, потому что сесть мне никто не предложил.

– И что мне с вами делать? – продолжил начальник тоном, от которого у меня все внутри похолодело.

Всего на миг восстала из пепла надежда и шепнула, что увольнять не будут. Но лишь на мгновение, потому что следующие слова Воскресенского смели ее напрочь:

– Увольнение – слишком простое наказание для вас, Виктория. Вам не сойдет с рук содействие нашим конкурентам.

И я уже не смогла больше молчать! Я просто не смогла, и слова вырвались сами:

– Я... я... Это все не правда! Я не могла помогать никаким конкурентам, я и ценных сведений не знаю, я ведь всего лишь стажер, я...

– Молчать! – босс как-то молниеносно поднялся со своего кресла, обошел стол, чтобы... направиться в мою сторону!

Я резко передумала оправдываться и отступила назад, с ужасом наблюдая за тем, как ко мне подходит злой Дмитрий Сергеевич. Шаг, еще один. Пространство между нами непреклонно уменьшалось.

Страшно. А я словно бы приросла к дорожному светлому ковру; смотрела на внушительную фигуру приближающегося ко мне мужчины, почему-то подметила дневную щетину на квадратном подбородке, сжатые волевые губы и не могла сделать ни единого движения. Красивый, молодой и опасный... зверь. Иной характеристики его внешности невозможно придумать.

– На что вы готовы, чтобы спасти себя и свое рабочее место? – внезапно спросил босс, касаясь своим дыханием моего лица. Он преодолел расстояние и теперь стоял очень близко для обычного разговора.

Я попыталась сохранить свое личное пространство и вновь отступить, но мужчина не дал, одной рукой прижав меня к своему стальному телу.

Господи...

– Отвечай. – Хрипло произнес Дмитрий Сергеевич мне в ушко, отчего холодные мурашки побежали по телу, сковывая меня еще сильнее.

– Отпустите, пожалуйста... – Я ничего не понимала. Что от меня требуется? Он же меня уволить хотел!

– Отвечай. – В его голосе слышалась сталь.

– На все. – Испуганно пролепетала я.

И Воскресенский неожиданно улыбнулся. Но эта не была дружелюбная, добрая и веселая улыбка, нет. Так улыбаются хищники, поймав добычу: зло, с усмешкой.

- На все, говоришь? Тогда раздевайся.

Что?! Меня от услышанного затрясло, и я точно бы упала, но он держал меня крепко.

- Р-р-раздеваться? - растерянно повторила, просто не веря в услышанное.

- Ты глухая? Сними чертову одежду! - нетерпеливо ответил мужчина и принялся сам расстегивать мою блузку.

Меня начало натурально колотить от страха. Я поняла, какое он "все" хочет от меня.

- Нет! Я... не готова! Я увольняюсь!

Генеральный мгновенно остановился, смерил меня презрительным взглядом и, насмехаясь надо мной, переспросил:

- Вы не готовы, Виктория? Ну, ничего страшного. Я позвоню в полицию, оформим ваш арест и на суде уже придем к соглашению, - он произносил эти ужасные слова мягко, даже ласково. Будто говорил с ребенком. - Думаю, увлекательные десяток лет в колонии вам обеспечены.

- Вы не можете! У вас нет прав! Вы... Вы лжете! - я посмотрела в его холодные серые глаза и увидела свой приговор. Мужчина все продумал до мельчайших деталей, и он не отступится. Кому поверят? Стажерке, у которой есть только она сама, или матерому зверю, у которого весь мир под подошвой дорогих дизайнерских туфель?

- Я не лжец, - его пальцы на моей талии сжались сильнее, - а вот вы маленькая лгунья. Или это я утверждал минуту назад, что готов на все?

- Я передумала! - нервно сглотнула и выставила ладони на каменной груди начальника в попытке хоть немного оттолкнуть его от себя. У меня, конечно же,

ничего не вышло.

– Тогда полиция? – насмешливый вопрос, полный превосходства. – Все улики указывают на вас, Виктория.

И я... я просто сдалась. Потому что так и было. Я сглупила. Как же я сглупила! У меня нет шансов, если босс обратится в правоохранительные органы. Я потеряю то, что ценю в жизни больше всего – свою свободу. Я не могу. Я столько лет стремилась к самостоятельной жизни не для того, чтобы в итоге остаться ни с чем.

– Правильное решение, мышка. – Дмитрий Сергеевич чуть ли не ласково улыбнулся и рванул мою блузку, не заботясь о ее сохранности. Отбросил ненужную деталь одежды куда-то на пол.

Я лишь вздохнула ставший вязким воздух, когда чуть шершавые ладони скользнули по талии вниз, к бедрам. Вздогнула, едва меня осторожно, но непреклонно развернули к себе спиной, и мужчина расстегнул мою юбку. Ткань сползла к моим ногам. Мой мучитель помог перешагнуть льняную кучку и подвел к столу. Сначала не поняла, зачем, но едва осознала, было уже поздно: я уже лежала животом на холодной деревянной поверхности, а босс... он... Я вспыхнула мгновенно! От стыда и унижения на глазах выступили слезы. Я лишь в белье, которое и преградой сложно назвать.

– Скажите, Виктория, сколько мужчин вас раздевали, как сейчас это делал я? – злой голос босса в шею, пока его пальцы поглаживали то, что было скрыто до этого трусиками.

Господи...

– Ну же, – и прикосновения к самому сокровенному. Ритмичные, мягкие... Меня бросило в дрожь. И на этот раз отнюдь не от страха! Нет, я боялась, но к ужасу добавились... крайне странные ощущения. И не менее странные покалывания внизу живота, тянущие, чего-то ожидающие. Такое чувство, будто мое тело совсем не мое. Я не могла себя контролировать. Я не могла сопротивляться, пока совершенно чужой мужчина совершал... подобное!

– Скажи, сколько мужчин тебя касались? – холодный, будто режущий вопрос и нежное поглаживание меня снизу. Контраст, от которого кружится голова и тело горит сотнями мурашек.

Свободной рукой Дмитрий Сергеевич приподнял мою голову, заставляя смотреть на свое красивое и совершенно безэмоциональное лицо.

– Я жду. – Напомнил Воскресенский, не прекращая свои посягательства. Нет, он все продолжал и продолжал, вызывая прикосновениями тяжесть и удушливый жар по всему телу.

– Н-никто... – мой голос дрожал, а сердце билось очень-очень быстро где-то на уровне горла.

– Врешь, мышка, – опять ласковый тон. Обманчиво ласковый. – Мне нужна правда и только она. Сколько мужчин были в тебе?

– Нисколько! – успеваю сказать прежде, чем мой пульс оглушает меня, едва его пальцы опустили напряженную тугую горошину, которую до этого терли, и один скользнул в меня.

– Черт! – прохрипел он мне в шею. – Какая же ты узкая!

Я задрожала от нахлынувших эмоций: горечь, наслаждение, нотка боли и стыд. Как же мне было стыдно!.. Стыдно и... неожиданно приятно. Гремучая смесь, которая меня буквально разъедала насквозь. Я чувствовала себя преданной, причем предала себя я сама, послушно распластавшись на столе.

Глава 2. Падение

Виктория Солдатова

Мне показалось, что я падаю в бездну. В бесконечную и наполненную удовольствием. Я тонула и выплывала для единственного вдоха, чтобы вновь погрузиться в негу.

- Ты течешь, мышка. - Прикосновения Дмитрия Сергеевича властные, местами грубые, но плавные, чувственные. Он уверенно берет свое, изводя меня одними только пальцами, хотя я спиной ощущаю его возбужденную плоть.

- Это неправильно! - набрав побольше воздуха в легкие, выпалила я. - Прекратите... пожалуйста.

- Прекратить? - насмешливо переспросил босс. Уже точно бывший. Я сама уволюсь! - Ты уверена, мышка?

Он нажал на какие-то точки... прямо там, и я, не удержавшись, обронила стон. Тут же закусила губу, болью наказывая себя за несдержанность.

- Точно прекратить? - он надо мной откровенно насмеялся. Играется, словно с куклой.

Я понимала, что он не увидит, но кивнула, не в силах что-либо произнести.

- И так прекратить?

Воскресенский осторожно шлёпнул по горячей напряженной коже, и я сжала зубами до крови нижнюю губу, чтобы сдержать стоны. Если до этого я тонула, то сейчас задыхалась от чего-то, что переполняло меня.

- Маленькая лгунья. - Хриплый смех и меня, действительно как куклу, приподняли, чтобы накрыть рот поцелуем. Жгучим и страстным, будто растопленный шоколад с перцем. Он вторгся в мой рот языком, а внизу его пальцы...

Взрыв! Внутри меня прогремел взрыв из осколков звезд, эмоций и терпко-горького запаха первого мужчины, который настолько интимно ко мне прикасался. Я, кажется, кричала ему прямо губы, а он выпивал мой крик, делаясь со мной своим дыханием.

Я немного оглушена, потому не сразу почувствовала, что мне стало холодно. Маленькие мурашки покрыли мое разгоряченное тело, остужая его. Резко открыла глаза, поняв, что до сих пор лежу полуобнаженная на рабочем столе, а сам босс поправляет свою одежду и смотрит на меня столь холодно, будто бы и не было между нами ничего. Или вовсе я его домогалась и осквернила "невинное" тело.

На глазах выступили слезы. То, что было до, не являлось унижением, нет. Он унизил меня сейчас одним взглядом. Я себя почувствовала использованной, потерянной.

– Не вздумай закатывать истерику. – Воскресенский поправил свои запонки и, обогнув меня, поднявшуюся и теперь поднимающую сорванную им же одежду, сел за свой стол, где мы... Где он... А ему словно бы плевать. Мужчина пододвинул к себе какие-то бумаги, вчитался и тут же протянул их мне: – Ознакомься и подпиши.

– Что? – я отшатнулась. – Я не буду ничего подписывать. То, что произошло, ничего не значит!

– Конечно, ничего не значит, – он смерил меня ледяным взглядом. – Это было лишь предварительное знакомство, Виктория.

Язвительный вопрос "Знакомство с чем?!" я удержала на кончике языка.

– Я не буду ничего подписывать. – Я бросила попытки застегнуть блузку, пуговицы которой были безнадежно оторваны, и демонстративно сложила руки на груди.

– Не зли меня. – Его голос пробрал меня до костей, и я невольно передернула плечом. – Мои слова про полицию до сих пор актуальны.

Мне дико захотелось расцарапать холеное лицо директора концерна. Смотреть, как на чистой, чуть загорелой и потому золотистой, коже появляются красные борозды, как на ранках выступает кровь. Также, как он сейчас с интересом наблюдает за тем, как медленно ломает мне крылья. Отдирает по перышку и радуется, сволочь.

- Договор. - Напомнил Дмитрий Сергеевич.

Я, сжав зубы, взяла протянутую мне стопку.

- Можешь сесть, - ленивым жестом он указал на кресла по другую сторону стола.

- Спасибо, - скорее прошипела, чем сказала, устроившись в мягком нутре мебели.

Первая страничка контракта не несла для меня никакой информационной ценности, потому что содержала мои и босса данные, только дата...

"Договор подготавливали заранее", - поняла я. Заранее! До того, как меня подставили и поймали на "горяченьком"!

- Вы чудовище! - возникшая в голове мысль ужасала. Разве могут так поступать люди? Он все подстроил! Он несомненно все подстроил!

- Помни об этом всегда, - уничтожая мою жизнь, Воскресенский улыбался. - Ты все равно не сможешь ничего сделать, мышка. Читай, если, конечно, интересно, что тебя ждет в будущем, и подписывай. Не трать мое время зря.

Я, сдерживая слезы, чтобы не показывать еще большую слабость этому зверю, принялась за листы, хотя строчки то и дело расплывались. Пробегала глазами по знакомым словам, которые собирались в жуткую картину, где он - кукловод, а я - послушная марионетка.

Итак, вот что "меня ждало в будущем": полное подчинение, новое имя и опять полное подчинение... То есть со мной могут делать что угодно! Пока не надоест, пока я не выполню какое-то задание. Какое именно не было написано.

- Вы не можете так со мной поступить... - Мне до сих пор не верилось, что со мной происходит подобное. Все как в страшной сказке, в чудовищном кошмаре, который перешагнул в реальность.

– Как видишь – могу. – Обыденным тоном, будто обсуждает погоду, а не мою жизнь, ответил мужчина. – Держи ручку... Аделия.

И я вспыхнула:

– Я не Аделия! – собрала листки договора в стопку и бросила на стол. Очень хотелось швырнуть ему в лицо, но страх не позволил совершить безумный поступок. – И носить чужое имя ни за что не собираюсь! У меня еще сохранились остатки гордости.

– А остатки инстинкта самосохранения? – Дмитрий Сергеевич задал вопрос совершенно спокойно, а у меня по спине прошелся холодок.

Я опустила голову. Ненавижу! Как же я...

– Правильно, мышка. – Он усмехнулся и жестко заметил: – Ты будешь и Аделией, и Машенькой, и Дашенькой, если я захочу. А теперь подписывай и не показывайся мне на глаза до вечера. Как мы договорились ранее, рабочее место за тобой.

Я зло на него посмотрела и, взяв ручку, расписалась на своей, по сути, закладной. Он мне прощает "ошибку" и предательство компании, а я становлюсь его личной игрушкой. Вот так в жизни происходит самое страшное. Нельзя доверять людям и нельзя быть слабой, иначе... Иначе загрызут, не оставив даже костей.

– Возьми там мой пиджак. – Мужчина кивком указал на диван. – Прикройся.

Глава 3. Ловушка

Виктория Солдатова

Если Воскресенский считал, что принудив подписать бумаги, он удержит меня, то сильно ошибался. Едва я выбралась из кабинета, укутавшись в его пиджак, то, не подавая вида, спустилась на свой этаж, по опен-спейсу прошла к рабочему месту и села за стол. Даже ответила любопытным коллегам, которые не были в курсе подробностей истории с подставой, что все в порядке и босс не покусал меня. Правда ведь. Он совершил поступок гораздо хуже, но я не буду вспоминать о плохом – я запретила думать себе о том, что произошло за закрытыми дверями кабинета.

Испытывающие взгляды, которыми меня забросали, не обделив вниманием чужую деталь одежды на моих плечах, я просто игнорировала. К черту.

Так, улыбаясь и отвечая на письма, я досидела до обеденного перерыва. Словно все в порядке, взяла свою сумочку и покинула фешенебельное здание офиса. Как бы пообедать, а на деле... Точнее, я, понимая, что крупно влипла, сначала зашла в ближайшее кафе, купила кофе, вкуса которого особо не почувствовала, и выскользнула через служебный выход на улицу.

Я не знала, куда пойду, я не знала, как быть в принципе, но не желала сдаваться. А вдруг получится? Вдруг? Больше всего в жизни я ценю свободу – и духовную, и физическую. Но если не буду бороться за нее, то кем я стану прежде всего в своих глазах?

Я долго ходила по городу, пытаюсь запутать свои следы на случай, если за мной следят, и добралась до общежития ближе к девяти – почти счастливая, но невероятно уставшая. Мне казалось, что я провела безумного мужчину, который совершал немыслимые поступки, что у меня есть время, чтобы собрать вещи для отъезда обратно в деревню. Но лишь показалось...

Неладное я заметила сразу: двери моего бокса не были заперты, а лишь неплотно прикрыты, хотя я точно помнила, что закрывала. Но списав на то, что вернулись мои соседки, я прошла в нашу кухню, а затем в общую спальную комнату...

– И как, набегалась, мышка? – Воскресенский сидел на моей койке и листал книгу. Судя по корешку, явно мою.

У меня потемнело в глазах. Как?..

– Мы явно не обговорили правила, мышонок. – Мужчина плавно поднялся и направился в мою сторону.

Я отшатнулась и упала бы, если не вцепилась бы в косяк.

– Попытаешься снова сбежать, и тебе не понравится то, что произойдет. – Снова ледяной тон, который выворачивает наизнанку всю душу и вымораживает надежду.

– Я же вам... – глотнула воздух, чтобы не задохнуться в собственном ужасе, – я же вам ничего не сделала...

– Итак, правила, мышка. – Проигнорировав мои слова, он крепко стиснул мою талию одной рукой, а пальцем подцепил подбородок и приподнял, вынуждая смотреть ему в глаза. – Ты не предпринимаешь попыток сбежать, держишь язык за зубами и не рыдаешь – раздражает. И еще, – босс обвел красноречивым взглядом окружающее пространство, – переезжаешь. Тоже молча.

– Зачем я вам? – этот вопрос я крутила в голове целый день. Искала решение, копошилась в памяти, но ничего не находила, потому что у меня за душой ничего нет. Место в общежитии, парочка дешевых вещей и диплом. Больше абсолютно ничего.

– Правильный вопрос. – Дмитрий Сергеевич кивнул. – Но отвечу ли я на него?

– Вы обязаны. – Я просто поняла, что молчание и страх – не выход. И на смену им пришла злость, ведь все же у меня есть кое-что – моя свобода. Но ее пытаются отобрать, только я не позволю.

– Ах я обязан? Ну, хорошо, мышка. – Он надо мной издевался, но мне плевать. Осталось ли что-то от моей гордости? – Тогда слушай...

Босс наклонился ко мне еще ниже и, задевая своим горячим дыханием мои губы, произнес:

– Будешь моей любовницей.

Мои глаза надо было видеть в этот момент! Я, конечно, не дура, и догадывалась, но... Он сказал это так легко и непринужденно. Даже обыденно.

- Думаю, я не подхожу на эту должность, - осторожно подметила я, набравшись смелости.

- И кто же подходит, а, мышка?

- Например, - я вспомнила его секретаршу: высокую, стройную, с грудью пятого размера и такой же приличной попой - совершенный шедевр пластической хирургии, - Ульяна.

- Уже давно планировал ее уволить. - Мужчина поморщился. - Мои партнеры каждый раз получают моральную травму при ее виде.

Он шутит?! Серьезно?? Можно все, что было до этого, тоже будет шуткой? Можно? Пускай злой, неправильной и похоронно-черной, но я даже возьму и посмеюсь! Буду хохотать как ненормальная, до коллик в животе.

- Не знала, что у ваших партнеров столь ранимое психическое состояние... - я просто не знала, как себя вести с человеком, у которого настроение меняется быстрее направления ветра.

- Сам в шоке. Нет. Мне нужна именно ты. Я удовлетворил твое любопытство или что-то еще?

Так как мы до сих пор находились непозволительно близко, я почувствовала себя... странно. Он смотрел мне в глаза, при этом не давая отстраниться от своего тела - держал сильными руками за талию. Я ощущала каждой своей клеточкой его силу и мощь.

- Да, еще один вопрос, - я не отвела взгляд. Глаза - зеркало души, и в них в первую очередь отражается ложь. - Зачем мне новое имя? Для роли вашей любовницы, - тут уж я позволила себе издевку, да, - Виктория слишком простое имя? И надо называться именно Аделией? Может, я стану "Анжелой" или "Кристин"?

Мужчина хищно усмехнулся:

- А у мышки и мозги присутствуют.

- Мышка, - я снова разозлилась, - умеет думать.

- Теперь не сомневаюсь. - Короткий смешок. - Я тебе отвечу на этот вопрос завтра. А теперь собирайся. У тебя пятнадцать минут и ни секунды больше.

Дмитрий Сергеевич резко отпустил меня, отчего я чуть не упала, но вовремя успела удержать равновесие.

- Я не хочу никуда переезжать.

- А я у тебя спрашивал, что ты хочешь? - мужчина снова устроился на моей кровати как ни в чем не бывало и взял в руки книгу. Кажется, это была Агата Кристи "Убийство в восточном экспрессе". - Хотя знаешь, я никогда не пробовал секс в настолько экстремальных условиях. Тараканы, куча студентов, стены и окна с отличной звукопроницаемостью и даже скрипящая кровать с торчащими пружинами. Представляешь, какой эротический массаж достанется твоей заднице?

Я вспыхнула, но не могла не опровергнуть:

- Здесь нет тараканов.

- Ты уверена? - он поднял голову и с ухмылкой на меня посмотрел. - А вон тот трупик в чашке чей?

Я чисто из принципа подошла к комоду, который находился у койки, и посмотрела на свой утренний чай... Да. В нем плавал мертвый таракан.

- Собирайся. У тебя осталось двенадцать минут. И бери самое нужное - остальное тебе не понадобится.

Почему у меня такое чувство, что я... тону? Тону в своих же ошибках. Или же не своих?..

Глава 4. Клетка.

Виктория Солдатова

Когда открыла наш общий с девочками шкаф, то поняла, что ничего у меня нужного, кроме нижнего белья, и нет. Никаких памятных безделушек – у нас в семье никогда не было денег на них, поэтому привычки захламлять пространство вокруг у меня не имелось. Никаких подарков – мне ничего не дарили. И одежды в принципе тоже почти не было – я думала, что с первой зарплаты куплю.

– И все? – босс удивленно приподнял бровь, увидев меня лишь с сумочкой, в которую я поместила и белье, и зубную щетку.

– Ну, я бы взяла с собой и кровать, но вы на ней сидите, – крайне вежливо ответила я.

Мне неожиданно улыбнулись. Я изумленно посмотрела на босса. Он и улыбается? Причем не насмешливо, не скалится, а просто... улыбается.

– Если ты об эротическо-пружинном массаже печешься, то он того не стоит, честно. Вот сидел и на себе пробовал – ничего особенного, – Дмитрий Сергеевич легко поднялся с моей заправленной постели и указал на книгу: – Увлекательное чтение. Берешь?

– Конечно, – а про себя добавила "буду учиться на ошибках героев и мастерски спрячу ваш труп, дорогой босс. Ну, или труп таракана".

Всю дорогу до его дома я смотрела в окно, наблюдала за огнями никогда не спящей Москвы и напряженно думала. О том, к чему мне новое имя, что боссу нужно от меня и, собственно, еще один вопрос: а почему я? Почему среди сотен работников и полсотни девушек-стажеров он выбрал именно меня? Для чего? Я

особо не обольщалась: я не неземная красавица с веером вместо ресниц, обладательнице "золотых волос" и "голубых глазок" я не являлась – я обычная шатенка, разве что зеленоглазая. А в своей потрепанной юбке и слегка помятой блузке и подавно выглядела убого на фоне шикарного кожаного салона авто и его водителя – собственно, Дмитрия Сергеевича, одетого с иголочки. Ему шли деловые костюмы, особенно тот, что был сегодня на нем – темно-синий, в мелкую вертикальную полоску. В полумраке сверкали его запонки – самые простые, но изысканные, из белого золота.

– Ну как я тебе? – внезапный вопрос от мужчины, который не отрывал свой взгляд от дороги, застал меня врасплох. – Ты так пристально меня изучала. Понравился?

– Никак. Не понравились, – мрачно ответила я, снова отворачиваясь к окну.

– Да брось, мышка, – он хмыкнул. – Такие взгляды я расшифровываю как "трахни меня". К слову, нам обоим понравилось то, что произошло сегодня днем, не отрицай.

Если бы босс до этого не заблокировал двери, я бы попыталась выбраться из машины. Мое умиротворение испарилось, и пришли мысли одна другой хуже.

– Что, мышка, боишься? Совершенно зря: что страшного в том, что ты получаешь удовольствие?

Он издевается или действительно не понимает?! Да, утром было хорошо, но моему телу, а как же разум?

– Хватит игр, – устало попросила я. – Давайте начистоту?

И мужчина, не скрывая того, что действительно играет, произнес:

– Так будет скучно, мышонок.

– Я не мышонок! – мне надоело дурацкое прозвище.

– Нет, самая настоящая мышка, – он оторвался от дороги и несколько секунд смотрел на меня, снисходительно улыбнулся. – Пытаешься казаться сильной, самостоятельной и храброй, а у самой хвост дрожит. Серая мышь, но что-то в тебе есть.

Я не стала спрашивать, что есть во мне, просто решила молчать, раз ответов никаких не получаю.

Примерно спустя час ползания по пробкам и парочку крепких матерных выражений от Дмитрия Сергеевича, он заехал в подземный гараж фешенебельного жилого комплекса, полностью огороженного со всех сторон и окруженного охраной.

"Ну, вот в таких домах и прячутся те самые миллионеры-принцы из любовных романов до встречи в метро с наивной героиней, – отнюдь невесело усмехнулась я.

Я рассматривала убранство подъезда с затаенной горечью. Все было вычурно, громоздко, но так... сказочно. И высокие резные арки, и мраморные широкие лестницы, и лепнина, и каменный пол, наполовину спрятанный дорогим ковром. Я будто бы, как Золушка, вырвалась из хлева в королевский замок.

Большая трехъярусная квартира была подстать окружающему экстерьеру: тоже величественная, изысканная, но уже более современная. Но только имелось одно "но". Едва Воскресенский открыл входную дверь, пропустил меня вперед и запер за нами, мы услышали стремительное цоканье каблучков по паркету и нежный, переливчатый голос:

– Дорогой, ты вернулся?

Прекрасная женщина в легком шелковом халатике влетела в прихожую, улыбаясь. И по мере приближения у нее эта самая улыбка таяла. Она увидела, что этот самый "дорогой" не один.

– Вернулся, дор-р-рогая, – последнее слово босс буквально прошипел, окатив девушку таким презрительным взглядом, что меня даже перекосило. А неизвестная мне держалась – ни один мускул на ее лице не дрогнул. – Что ты здесь делаешь? И как вообще попала на МОЮ территорию?

– Я на НАШЕЙ территории, – невозмутимо ответила она. – И делаю здесь свои обязанности – я твоя жена, смею напомнить.

– Ты моя ошибка молодости, – Дмитрий Сергеевич сжал челюсти.

Я, под прожигающим насквозь взглядом его жены, от греха подальше спряталась за спиной у босса и прижалась к двери, дабы если что – сбежать первой от разъяренной фурии. Мне же лучше будет. Вдруг она поможет супругу встать на сторону перевоспитания и вообще вправит мозги?

– Аделия, милая, – тон босса мне совершенно не понравился, – прогуляйся пока по квартире и выбери себе комнату, я тебе чуть позже присоединюсь.

"Не надо присоединяться!", – мрачно подумала я, а вслух же:

– Может, я...

– Может, ты пойдешь уже? – на меня зло посмотрели, и я, пожившись от двух не самых влюбленных взглядов, обращенных на меня, решила не спорить и идти туда, куда сказали. Всегда ведь мечтала в незнакомых домах гулять да комнаты себе подбирать.

И я пошла в сторону предполагаемой гостиной, спиной чувствуя те же взгляды. Конечно, ни гулять, ни выбирать я не собиралась – тупо боюсь потеряться в огромном доме. И... И любопытство – болезнь каждой женщины, поэтому я, каким бы не был мой поступок неправильным, далеко не ушла и осталась стоять за аркой холла. В моем случае любая информация имеет ценность. Примерно как вода в пустыне.

– И как ты таких находишь? – насмешливо спросила женщина, которая мне нравилась, но аккуратно до этого момента. – Вкус у тебя окончательно испортился, дорогой.

Как удачно я устроилась! И вид на супругов открывался отличный, и акустика меня радовала. Жаль, попкорна нет. Или же запасной двери, из которой можно по-тихому сбежать к себе.

– Да что ты говоришь, Ангелина? – притворно удивился Дмитрий Сергеевич. – Ужас какой. Но оставим лирику: ты приехала сообщить мне лишь то, что по твоему мнению, у меня испортился вкус?!

– Не только, – ничуть не испугалась жена босса.

– Тогда просвети же меня, – Воскресенский будто бы выплюнул эти слова.

– Я решила, что нам пора наладить наш брак, тем более что... – Ангелина запнулась и возмущенно прошипела, когда он внезапно обхватил ее подбородок рукой, вглядываясь в глаза женщины: – Ты что это делаешь? Отпусти меня!

– Вроде зрачок в норме – травку не курила, перегаром не несет – не пила. Странно... – и босс, словно бы брезговал ее даже трогать, убрал ладони и отошел от нее. – С отцом поссорилась? Любовник бросил?

– Дима, я просто хочу начать все сначала, понимаешь? Я поняла свои ошибки, я исправлюсь...

– Замолчи. Не зли меня еще больше, Громова. Сейчас я вызову такси, и ты уберешься туда, откуда пришла.

И Дмитрий Сергеевич даже открыл дверь, недвусмысленно указывая, что ей следует сделать. Но Ангелина Громова явно не из тех, кто так легко сдается, потому что в ход пошла тяжелая артиллерия в виде слез и жалобного:

– Я соскучилась...

Я уже подумывала убраться подальше, потому что сцену их бурного примирения наблюдать не было никакого желания, но нет. Ничего не произошло. Мужчина разозлился еще больше.

– Вот как, значит, – медленно протянул босс. – Я рад за тебя, но ты как-то опоздала – у меня уже есть женщина.

– Она?! – от визгливого хохота жены Воскресенского у меня чуть ли не заложило в ушах. – Ты слышишь себя, Дима? Ты и это... недоразумение в юбке? Шутка не

удалась, дорогой.

Я поправила свою оскорбленную юбку. Нормальная она, и я вроде ничего.

- Что ты, дорогая, роль клоуна в нашем разговоре принадлежит только тебе. Это ты не слышишь себя и навязываешься. Убирайся, пока я не дошел до точки кипения и не вызвал охрану. А еще, - он усмехнулся, - поищи себе хорошего адвоката. Помнишь про сорок второй пункт брачного договора?

- Ты не решишься! Ты же... ты! - кажется, супруг нашел прореху в броне Ангелины.

- Я, - Воскресенский ухмыльнулся. - А теперь вон из моего дома.

- Я у тебя все до последней нитки заберу! Я тебя голым оставлю! Я тебя...

- Вон!

- Я так просто это не оставлю! - и она, даже не заботясь о том, что в одном халате, что-то подобрал со столика, ключи, наверное, ушла, хлопнув дверью.

Но не успела я облегченно выдохнуть, как случилось страшное - Дмитрий Сергеевич меня заметил.

- Я тут... сережку потеряла, - выдала свою самую лучшую улыбку я. - Не видели?

- Сейчас вместе поищем, - мрачно ответил он, стремительно пересекая расстояние между нами.

- Знаете, я уже нашла, не надо мне помогать!

- Только без истерик, - он поморщился. - Я сейчас закажу нам поесть, мы в тишине едим, а после идем спать. Ты спишь со мной.

Мне в плане понравилось все, кроме последнего предложения!

- Давайте я себе комнату выберу? Вы же...

- Поздно, мышка, уже поздно. Ты будешь спать со мной на моей постели. Что-то еще?

- Да, - кивнула и выдохнула: - У меня, кажется, бессоница.

- И давно? - участливым тоном поинтересовался босс.

- Очень, - он видит, что я нагло вру, но я продолжаю: - Так я иду искать комнату?

- Игры закончились, мышка, - холодно сказал мужчина и, взяв меня за руку, повел куда-то... К счастью, на кухню.

"С его-то фантазией, возможно, что и не к счастью", - возникла глупая мысль, но я быстро ее отогнала. Ну не будет же он приставать ко мне прямо во время ужина? Мама говорила, что во время еды мужчины думают только о еде.

Глава 5. Разговор.

Виктория Солдатова

Когда ты всю жизнь видишь сначала обшарпанную кухоньку со старым, еще с советских времен, плитой, а после полупустую замызганную комнату, которую в общежитии гордо называли "общей кухней", то попав в шикарное помещение, оснащенное новейшей техникой и явно дизайнерской мебелью, то явно впадаешь в ступор. Вот и я так же - позорно застыла у порога, рассматривая убранство и понимая, как же я не подхожу интерьеру дома. Да и принципе Дмитрию Сергеевичу. Я деревенская девушка, почти сирота - у меня остался только отец, но и тот меня выгнал, едва школу закончила. В принципе папа всегда меня ненавидел, пока я старалась угодить ему и завоевать его любовь.

Для него я, родная дочь, была и есть чужая.

- Не стой столбом, мышка, - вырвал из размышлений голос босса. - Чай делать умеешь?

- Умею, - осторожно ответила я, проходя, наконец, на кухню.

- Какое у меня многофункциональное приобретение, - мужчина отнюдь не весело хмыкнул и устроился на высокий барный стул.

- Смею заметить, у меня пока что почти нулевой оклад, - разозлившись, ляпнула я и сразу же пожалела, что вообще рот открыла.

Я же говорила про вымораживающий взгляд босса? Нет? Так вот говорю! У меня по спине холодок прошелся.

- Хорошо, - он будто бы кивнул каким-то своим мыслям.

- Что "хорошо"? - у меня лично такое ощущение, что ничего не хорошо!

- У тебя будет большая зарплата, - Дмитрий Сергеевич взял из корзины с фруктами, которая уютно была расположена рядом со странными, но красивыми букетами цветов на стойке, зеленое яблоко. Покрутил в сильных пальцах, которыми еще утром... От воспоминаний кровь мгновенно прилила к щекам.

- Н-не надо мне никакой зарплаты! - я отступила на шаг, чуть ли не упала, но вовремя ухватилась за один из стульев. Если с таким выражением на лице мне будут предлагать бессмертие, то я не только откажусь, но и свою жизнь на откуп дам! Куда уж тут деньги? Всю жизнь без них прожила и дальше как-нибудь обойдусь.

- Мне нужен сын, - ледяным тоном, каким умел только он, произнес Воскресенский. - И ты мне его родишь.

Я оторопела. Сильнее ухватилась за табурет.

- В смысле? - скорее пропищала, чем сказала, я.

– В прямом, – он оскалился. – Надеюсь, мне не придется посвящать тебя по вопросу, откуда берутся дети?

Конечно, потому что вам интереснее, как дети делаются. Вот вы не только просвятите, но и с радостью на практике покажите!

– Мы так не договаривались! – я просто в шоке. Я не хочу. Я не...

– Договоримся, – спокойно сказал.

И я знаю, что у меня в итоге не останется выхода, но я не могу не так быстро сдаться:

– Нет! Я ни за что не стану этого делать! Так неправильно, неправильно.

Он легко поднялся со стула, не отрывая взгляда от меня, сделал шаг ко мне, и я, замороженная, не сумела отступить.

– А что правильно, мышка? Ты знаешь? – я ощущаю дыхание на своем лице, шее, ниже. Дрожу всем телом, но не могу совершить ни единого движения. – Ты меня выводишь из себя, мышка, а я держу тебя рядом. Знаешь, почему?

Я промолчала, а он и не ждал ответа – продолжил:

– Скоро узнаешь. А завтра мы подпишем еще один контракт, мышонок, – его длинные пальцы слегка проводят по ключицам, скользят в вырез блузки, вызывая мурашки и жар по всему телу.

Контракт?! Для него все так легко – поставил подпись на каких-то бумагах и дело решено. А как же моя душа? Ее боль не заглушит его подпись, никакая юридическая сила документов и деньги.

– И завтра же приступим к... – Воскресенский ухмыльнулся, – к его исполнению.

Меня снова трясет. Я бессильна перед его прикосновениями к груди, к шее. И когда его губы скользят по подбородку и щеке, я вообще чуть ли не падаю –

ноги не держат, стали будто ватными, а тело, которое уже один раз познало возможности Дмитрия Сергеевича, пылает, требуя его. Того, кто мной играет.

– Мне нравится твоя реакция, мышка, – я слышу его порывыстое дыхание рядом с моим ушком. – Хочешь почувствовать, насколько?

И Дмитрий Сергеевич делает одну возмутительнейшую вещь – берет мою дрожащую ладонь, поглаживает запястье и медленно кладет на свою ширинку.

О, господи! Я рывком выдыхаю ставший вязким воздух и, собрав все свои силы, пытаюсь отстраниться. Лишь пытаюсь, потому что ничего не выходит. Он только второй рукой крепче прижимает к своему стальному телу.

– Не надо! – испуганно пролепетала я.

У него ТАМ все твердо, напряженно и ЭТОГО так много, что я пугаюсь сильнее. То есть он большой...

– Вроде как я слышала о том, что теперь медицина пошла вперед и присутствие хм... отца не обязательно, – быстро начала я, пока моя ладонь... Боже. Он ею...

– Непорочное зачатие? – Воскресенский остановился, отпустил меня и, склонившись к моим губам, безмерно "обрадовал": – Мышка, у нас оно будет самое что ни на есть порочное.

Но не успела я возмутиться, как его он накрыл мой рот жестким, собственническим поцелуем. Каждое его движение говорило – я его и это уже не изменить. Поцелуй-метка. Поцелуй-обещание. Вкусный и сладкий в своей горечи.

Не могу представить, чем бы все закончилось, если бы не раздался звонок в дверь. Дымка наваждения спала и пришло осознание того, с кем я и что вообще творю. Сама обнимаю того, кто играет в меня, целую в ответ.

– Отпустите! – прошипела я, пытаюсь выскользнуть из его стальных объятий.

– Мне и так хорошо, – усмешка скользит по четко очерченным губам.

А мне не очень! Стыдно. Мне стыдно до слез за свое поведение. Как я могу?! Он же играет, действительно играет. Использует в своих непонятных целях.

- Кто-то ждет у дверей, - устало сказала, уже не в силах сопротивляться. На сегодня все мои силы иссякли, но вот завтра я отыграюсь.

- Служба доставки, - зачем-то сообщил он, но отпустил меня и пошел открывать.

Когда Дмитрий Сергеевич скрылся за аркой, ведущей в прихожую, я наконец-то вдохнула полной грудью и... включила электрический чайник. Что мне еще остается? Не выпрыгивать же с пятнадцатого этажа? А так хоть чай попью, нервы успокою.

Босс заказывал еду в крупной сети ресторанов, и я сейчас не о Макдональдсе, потому все блюда были аккуратно запакованы и уже сервированы. То есть прямо с тарелками, вилками, вилочками, ножами, ложкой, еще какой-то ложечкой и еще кучей всего, по сути ненужного, но зато красивого, да. Упаковочная бумага и пакеты, украшенные золотым тиснением "Астория", плотные, тоже красивые и элегантные, и жалко стало их выбрасывать. Просто рука не поднималась, и я решила, что вроде как не являюсь ни домработницей, ни иным работником Дмитрия Сергеевича, потому убирать ничего не стану.

- Скажите, - подбирая слова, начала я беседу, едва мы устроились за большим обеденным столом, на котором я быстро расположила тарелки из ресторана, бокалы с водой и чайник с чашками, - а что входит в мои обязанности? Я или чего-то не понимаю, или ваши планы меняются с бешеной скоростью, отчего я не успеваю...

- Тебе все обязанности перечислить? - перебил меня мужчина.

- Желательно все, - я кивнула.

- О, их предостаточно, мышка, - босс улыбнулся как-то... предвкушающе. - Но я, так и быть, перечислю: ты будешь сопровождать меня на все общественные мероприятия, спать со мной и вести в целом здоровый образ жизни.

Он вот так вот просто об этом говорит?! Ни один мускул на лице не дрогнул даже.

- Что-то еще? - зло спросила я. Меня просто затрясло от ярости. - Я еще отлично могу спать у ваших ног на коврике и есть с ваших же рук.

- Мышка и язвить умеет, - хмыкнул Дмитрий Сергеевич.

- Я не мышка! - вспылила я.

- Мышка, - в его голосе слышится сталь, - если тебя перечисленное не устраивает, то можешь еще побольше молчать и поменьше думать.

Вот скажите, мне тонко намекнули, что я болтливая и умная? Мне посчитать выпад как комплимент или же оскорбиться? Решила помолчать и поесть - хоть попробую, чем травятся... то есть питаются богачи.

- Правильное решение, - Воскресенский тоже взял в руки нож и вилку. - Приятного аппетита.

Я снова промолчала. А зачем, перебирая в голове весь диалог, вспомнила кое-что, что меня смутило, но я тогда не придавала этому значения, шокированная его словами.

- Можно задать вам вопрос? - сжала в пальцах столовые приборы.

- Попробуй, - расслабленно, даже как-то лениво ответил мужчина.

- Помните, вы сказали "мне нужен сын"? - я судорожно вздохнула. Как же я попала! Вот к чему привело мое стремление стать кем-то, а не деревенской девкой.

- Склерозом не страдаю. Ближе к делу.

- А если девоч... - начала было я, но сразу же умолкла под его изучающим, пробирающим до глубин души, взглядом.

– Попробуем снова, – он будто не о детях говорил, а об очередном деловом предложении. Впрочем, в моем сравнении есть доля истины: меня рядом с ним держит договор.

Только вопрос: какая ему от меня выгода?

Глава 6. Мечь

Дмитрий Воскресенский

Мышка очень похожа на стерву с фотографии, которую я держу в особой папке. Странно, что бывает подобное сходство, но это действительно так: те же темные волосы, зеленоватые глаза с карими искрами, тот же контур лица, мягкие черты. Только у моей мышки морщинок нет и глаза не помутнели от времени – все же разница в возрасте больше двадцати лет.

Чертовски похожи. Особенно когда делают вид оскорбленной невинности. Поэтому я, наверное, выводил Вику из себя – чтобы уменьшить их сходство, чтобы злость разукрасила ее лицо новыми красками, убрала из образа лицо предавшей нашу семью женщины.

Снова смотрю на фотографии. У меня их очень много. Особенно с ее муженьком. Я знаю их лица, кажется, даже точнее, чем собственное. Врагов надо знать лучше, чем себя.

Анастасия и Борис Калинины – не последние люди в России, бизнесмены с безупречной репутацией... а еще старые твари и интриганы. Только эта информация доступна не всем. Как и та, что у них есть, а может, все же была, дочь. Аделию Калинину украли в младенческом возрасте, и с тех пор она считается без вести пропавшей. К слову, девочке сейчас исполнилось бы примерно столько, сколько моей находке – Виктории Солдатовой.

Конечно, вероятность того, что мышка и есть дочь Калининых один к миллиону, но... Вика чертовски похожа на них. Почему бы не сыграть в занимательную игру? И отдать должок, который уже который год стоит за мной? Мечь.

К тому же, всю ночь мои юристы готовили новый договор – на детей. Вообще, я не планировал заводить семью, но чертова Громова начала бесить. Сидела бы и дальше тихо – я бы не стал использовать единственную лазейку в нашей с ней брачном контракте. Сорок второй пункт придумала сама Ангелина: если у кого-то из супругов появятся дети на стороне, то брак сразу же расторгается. Конечно, существовали нюансы, но мелкие и незначительные. А дети... Пора бы о них задуматься: два года назад разменял четвертый десяток.

– Я не буду это подписывать, – твердо говорит мышка, сжимая руки в кулачки. И ее решительный взгляд меня и смешит, и выводит из себя. – Вы, наверное, считаете, что я не только глупая, но и тупая? Читать-то я умею и ни за что не соглашусь на ваши условия. Да лучше уж... Да лучше в тюрьме гнить.

Забавная девочка. С ней будет интересно.

– И что же тебя не устраивает? – я откинулся на спинку кресла и, сцепив пальцы в замок, внимательно на нее посмотрел, чтобы не упустить ни одну эмоцию на ее тонком личике.

– "Все дети, рожденные в сотрудничестве, остаются со стороны А..." и далее по списку, – зачитала мышка. – Мало того, что вы шантажом меня заставляете... заставляете, так еще и предлагаете оставить своего же ребенка? Наймите суррогатную мать!

Если бы я мог, не стал бы распинаться и тратить попусту время – для расторжение брака у меня должна быть семья, пускай и временная. Конечно, я не собирался держать Вику вечно – разберусь с Калининым, с детьми, и пусть идет куда хочет. Выплаченные мною деньги позволят ей начать новую жизнь.

– Мышонок, – ласково позвал ее и жестко отрезал: – или ты подписываешь, или делаем все без бумаг. Учти: тогда ты остаешься без надежного тыла и не сможешь никогда никому ничего доказать. Какой вариант ты выбираешь?

Она опустила голову, пряча от меня свои эмоции, а затем, глядя на меня словно ставшими ярче глазами, произнесла тихо, но четко:

– Хорошо, я подпишу.

– Правильное решение, – кивнул я и протянул ей ручку.

– Да я само послушание, – мышка зло улыбнулась и поставила на бумагах размашистую подпись.

– Все? Я могу идти на работу и немного пострадать по испорченной жизни? Ну, конечно, в процессе заливания важных документов слезами и очередным сбором информации для ваших конкурентов? Я им забыла сообщить, что кресла у вас мягкие, а столы удобные – и поспать можно, и поесть. О! Еще про принтер и сканер, которые работают как часы. Правда, кто-то черную краску все время крадет, но это мелочи.

– Язвишь, мышка? – я улыбнулся, причем совершенно неосознанно. Она меня веселила, бесила и при этом... интересовала. Что-то в ней было такое – необычное.

– Нет, лишь готовлюсь отпеть смерть своих розовых очков. Так что, можно идти?

– Нет, конечно, – я усмехнулся. – Считаю, у тебя начался большой отпуск. Сейчас ты едешь с моей помощницей в магазин. Твоя юбка ужасна, а помада как будто найдена в прабабушкином сундуке – все сменить. Рядом со мной должна быть утонченная леди, а не... а не простушка.

– Вы хотели сказать "деревенщина"? – мышка мило улыбнулась, хотя в глазах пылали демоны и готовили для меня самое жаркое пекло.

– Видишь, как мы друг друга понимаем? – в принципе, она права. Так зачем отрицать?

Виктория Солдатова

Я всегда считала, что являюсь спокойным и неконфликтным человеком, но сейчас убедились в обратном. Я готова была накинуться и расцарапать холеное лицо Воскресенского. Ненавижу!

Он, как и отец, решает за меня, вертит мою жизнь, как ему угодно.

Ненавижу. Как же ненавижу!

И сдерживает меня опять одно: и босс, и отец, они банально сильнее, опытнее. Я чувствую себя отвратительно слабой.

– Видишь, как мы друг друга понимаем? – самодовольно ухмыляясь, говорит он, а я... я стою и мило улыбаюсь, пока в голове представляю совсем иную сцену.

– Конечно, вижу, вы же меня в это понимание мордой тыкаете, – я не могу молчать. Я устала молчать. Хоть так выведу все свои эмоции, а то меня уже от них трясет.

– И правильно делаю, – отрезал босс. – А теперь иди в свою комнату и подожди там Илону. Веди себя хорошо, мышка, я не терплю непослушание.

– Как скажете, – а про себя думаю, что босс явно зоофил, раз у него сексуальные фантазии с мышкой в главной роли. Мышка. Что за дурацкое прозвище?!

Кабинет у Дмитрия Сергеевича находится на втором этаже квартиры. Такой же шикарный, как и весь дом, с красивой и правильно подобранной мебелью. И я посреди всего этого великолепия в своей вчерашней блузке и юбке действительно деревенщина. Хотя чего смущаться? Да, я такая, потому что приехала из деревни. Но я, в отличие от московских красавиц, обеспечиваю себя сама. Даже ту "пробабушкинскую" помаду сама покупала, пускай и пришлось копить не один день. А тут...

Медленно выдохнула и, ступая по дороговому паркету, пошла в "свою комнату". Вчера мне удалось убедить Воскресенского, что мне просто необходимо личное пространство, а он, обещав, что придет ночью обживать со мной это самое "личное пространство", согласился. К счастью, мужчина либо забыл о своих словах, либо опять надо мной издевался.

Но я не успела дойти до нужной мне двери – по пути встретила ту самую помощницу босса. Женщине было где-то тридцать, не больше, высокая, с короткими светлыми волосами, в сером брючном костюме и с внушительной папкой в руках – она совершенно не вписывалась в образ Дмитрия Сергеевича. Я ожидала увидеть роковую красотку, с которой у босса несомненно были бы более близкие рабочие отношения, и которая бы меня сживала со свету своей ревностью, но нет.

– Доброе утро, Аделия, – спокойным и ровным тоном поприветствовала меня она. – Я помощница Дмитрия Сергеевича, Илона.

Меня сразу же перекосило во всевозможные стороны. Меня опять называли не моим именем!

– Доброе утро, – кивнула я.

– Вы уже одеты? – меня смерили сканирующим взглядом с ног до головы. – Наверное, Дмитрий Сергеевич вам не сообщил, что мы с вами сегодня едем за покупками.

Я решила не говорить, что другой одежды у меня нет, потому просто пригладила помявшуюся юбку и с улыбкой ответила:

– Говорил. Я уже одета, не волнуйтесь.

Илона странно на меня посмотрела, но быстро взяла свои эмоции под контроль и сказала:

– Тогда идемте, Аделия. Нас ждет водитель.

Кажется, я теперь ненавижу имя "Аделия".

И еще кажется, что все магазины я тоже ненавижу. Особенно брендовые, в которые меня и затащила Илона.

– Добрый день, очень рады вас видеть, – щебетали консультантки, кружась вокруг помощницы босса и совершенно игнорируя меня. Мое и так не самое радостное настроение стало еще более хмурым. Нет, было не обидно, потому что я привыкла к такому отношению, но... Разве дорогая одежда что-то значит? По мне так нет. Можно быть дорого одетым, но бедным изнутри – без знаний, без воспитания и чувства такта.

– Добрый день. Нужен капсульный гардероб для моей подопечной, – тем же безразлично-спокойным тоном произнесла Илона, и взгляд девушек переместился на меня. Наверное, я стала видимой, потому что они широко мне улыбнулись, будто ничего не произошло, и одна из них заверила:

– Сделаем в самом лучшем виде! Идемте сюда, новая коллекция вас не оставит равнодушной...

Не оставила, действительно, но... Одно дело, когда ты сам покупаешь отнюдь не дешевые вещи, достигая высот, а другое – когда за тебя платит совершенно чужой мужчина. Но я опять не имела право выбора и играла роль куклы, на которую примеряли красивые наряды, не интересуясь тем, нравятся ли они ей.

Когда одежда для примерки закончилась, я вздохнула с облегчением. Но видимо зря:

– Аделия, всю выбранную нами одежду доставят на дом, а сейчас вы едете на обед с Дмитрием Сергеевичем. Оденьте, пожалуйста, вот эти вещи, – и мне протянули легкое летнее платье из мягкой голубой ткани, белые туфли на высоком каблуке и даже сумочку в тон.

– Простите, Илона, – быстро, пока она не вышла из примерочной, начала я, – а я не могу пообедать с вами? И мы же еще не купили... – задумалась и вспомнила: – нижнее белье! Может, отложим трапезу?

После утреннего инцидента мне видеть босса абсолютно не хотелось. Просто не факт, что сдержусь и не нанесу ему парочку синяков на память. Злость меня никак не отпускала, да.

– Нет, это невозможно, к сожалению, – покачала головой помощница босса. – А с подбором нижнего белья вам поможет Дмитрий Сергеевич.

Я мгновенно вспыхнула! И она так... просто говорит об этом? Ни один мускул на ее лице не дрогнул, пока она произносила фразу.

– Я ответила на все ваши вопросы, Аделия?

Я кивнула и закрыла лицо ладонями, пытаюсь хоть как-то уменьшить температуру щек. Они просто горели!

"Босс скорее поможет снять нижнее белье, а не подобрать", - мрачно подумала я.

И знаете, что самое ужасное в сложившейся ситуации? Гребанное чувство ожидания. Приятный дискомфорт в области живота я ощущала отчетливо и злилась на себя еще больше.

Постояв так, немного успокоилась и переоделась в то, что передала Илона. К черту гордость. Ходить второй день в одном и том же – не самая лучшая затея, особенно если на улице лето.

Глава 8. Страсть

Виктория Солдатова

Едва мы с Илоной вышли из бутика, я сразу заметила босса. Он стоял у своего авто в очередном дорогом костюме и курил – ухоженный, холодный и уверенный в себе, мужчина сразу притягивал внимание.

– Отлично выглядишь, мышка, – сказал Дмитрий Сергеевич, окидывая меня изучающим взглядом с ног до головы. Но не успела я хоть что-то произнести в ответ, как тот полностью переключил внимание на свою помощницу и начал с ней договариваться о каких-то бумагах, словно мгновенно забыл обо мне. Ах да, мне еще соизволили жестом указать сесть в машину – дабы не мешалась.

Прекрасно!

Чуть ли не скрипя зубами, залезла на заднее сиденье, устроилась поудобнее и... достала телефон. Раз я кои-то веки одна, то позвоню отцу. Пускай у нас с ним не самые лучшие отношения, но я не могу оставить его. Не могу не звонить, не спрашивать о его здоровье и достатке. Вдруг ему чего-то не хватает? Я не хочу потерять и его. После смерти мамы у меня остались лишь он и Аленка, а теперь, после предательства подруги, и вовсе только он.

Три долгих гудка, в течение которых я думала уже положить трубку, но папа все же принял вызов:

– Вика! – впервые голос отца был хоть как-то теплым. – Девочка моя, с тобой все хорошо? Что ж ты старику так редко звонишь?

"Девочка моя" – что?! Моему удивлению не было предела.

– Значит так, доченька, – так как я потрясенно молчала, говорил папа, – брось эту Москву, приезжай домой. Что тебе в чужом краю делать-то?

– Пап... я бы с радостью, но не могу, – у меня ощущение ирреальности происходящего. И будто бы ушла почва из-под ног.

– Чего это не можешь? Собирай вещи и первым же поездом домой. Клубника уже созрела, а ее некому есть...

– Я очень хочу, правда, но не могу, – мне отчего-то приходит в голову мысль, что папе что-то нужно от меня. Становится горько. Всем от меня что-то нужно, а я сама никому не нужна.

– Это не обсуждается, – жестко произнес отец, явно потеряв терпение. – Хватит заниматься глупостями. Ты – никто, твой потолок – наша деревня, и выше тебе не подняться. Жду тебя завтра же.

И завершил вызов прежде, чем я успела переварить сказанное.

– Все всегда становится хорошо, помнишь? – сама себе прошептала я, сдерживая рвущиеся наружу слезы. Ничего, я выдержу. Выдержала же почти пять лет – еще выдержу. Если даже я не нужна отцу, то нужна самой себе.

Когда босс сел в машину, я была снова спокойна и сосредоточена на текущих проблемах.

Элегантная вывеска "Victoria's Secret" мне не понравилась сразу. Как и решительность босса – он вел меня уверенно в сторону магазина, не утруждая себя узнать мое мнение об этом.

– Я в силах подобрать себе хотя бы белье, – в который раз напомнила Воскресенскому. – Может, вы подождете меня... где-нибудь?

Вообще, желательно не ждать или подождать вообще в другой Вселенной, но я готова пойти на уступки и согласиться на хотя бы на холл фешенебельного торгового центра.

– Конечно, подожду, мышка, – и прежде чем я с облегчением выдохнула, он добавил: – В примерочной. Говорят, здесь они просторные и с небольшим диванчиком.

Намек мне совершенно не понравился!

– В-в-в разных кабинках? – с надеждой переспросила я.

– К счастью, нет, – мужчина усмехнулся, – иначе как я тебе скажу, идет ли тебе цвет и фасон?

– Да вы, оказывается, еще и разбираетесь в фасонах нижнего белья, – вспыхнув от злости, язвительно отметила я и вернула сказанные им же вчера слова: – Какой у меня многофункциональный начальник.

– Цени, мышка, – хмыкнул Дмитрий Сергеевич. – Я очень... многофункциональный.

"Надеюсь, мне не придется ценить эту самую многофункциональность на практике!" – промелькнула глупая мысль в голове, пока мы входили в магазин.

В магазин, который сразу же убил своим ассортиментом из серии "там черта, здесь черта, а в итоге ни черта".

– Мне кажется, здесь на ткани экономят, – сообщила очевидное Воскресенскому, разглядывая манекены. К слову, ближайший же ценник показал, что даже если в материалах и экономят, то в цене никогда. Я иногда умудрялась на стоимость одного комплекта жить месяц! – Интересно, а...

– Выбирай, мышка, или это начну делать я, – пресекая все мои глупые вопросы, пообещал босс, и я решила помолчать и пойти искать что-то закрытое... совсем. Может, даже панталоны – чтобы скрывало все от шеи до щиколоток.

Под внимательным взглядом Дмитрия Сергеевича и не менее внимательным продавщиц, которые хотели угодить состоятельному покупателю, выбрать белье оказалось не так-то и легко. Щеки пылали, по телу разбегались тысячи мурашек, а вешалки то и дело чуть ли не выскальзывали из вмиг вспотевших пальцев. В итоге я взяла комплекты, почти не глядя на фасон и ткань, уделив внимание лишь размеру. К черту. Быстрее бы выбраться из магазина и перестать испытывать этот дикий стыд перед работницами бутика. К счастью, других покупателей, кроме нас, не было.

– Все, я закончила, – заявила я Дмитрию Сергеевичу, неуверенно переступая с ноги на ногу.

– А примерить? – насмешливо спросил мужчина и, забрав у меня все вешалки, уточнил у девушки-консультанта: – Диана, а где здесь примерочная?

– Я провожу вас, – с профессиональной улыбкой на губах предложила девушка.

– Будьте любезны, – кивнул босс и уже мне: – Идем.

И я пошла. Очень глупо устраивать сцену перед столькими людьми.

Кабинки действительно были с повышенным, мать его, комфортом. Даже диванчик присутствовал, на котором босс сразу же расположил выбранное мною белье.

– Спасибо за помощь, а дальше я, пожалуй, и сама справлюсь...

– Я, как истинный джентльмен, несомненно должен помочь даме раздеться, – с усмешкой заявил Дмитрий Сергеевич и даже шагнул в мою сторону, вынуждая меня отступить.

– Может, вы поможете мне потом одеться? А сейчас... – я сделала еще один шаг назад и спиной уперлась в зеркальную стенку.

– Я всегда успею тебя одеть, мышонок, а сейчас ты нужна мне раздетой, – явно издеваясь надо мной, сообщил Воскресенский.

Его пальцы скользнули по талии, несильно сжали, а затем мужчина медленно развернул меня лицом к зеркальной поверхности. Бережно, как-то даже нежно, отчего у меня сердце начало биться чаще и все слова, которые я крутила в голове, остались невысказанными.

– Знаешь, какая ты красивая? – его сильные ладони с грубоватой, чуть шершавой кожей, касаются моих рук, скользят по ним, вызывая во мне сладкую дрожь. – У тебя такая нежная кожа, мышка, – я чувствую его губы на открытом участке шеи. – Знаешь, что я хочу с тобой сделать?

Воскресенский обхватывает мои запястья и устраивает их на зеркале, вынуждая меня опираться на ее поверхность. И я послушно прислоняюсь к зеркальной

стенке примерочной, потому что иначе потеряю равновесие – ноги ослабли и не держат.

Нет, не хочу. Я хочу вырваться из капкана его объятий, отойти, убежать, но... Не могу. Тело, разгоряченное, чувствительное, не подчиняется мне.

– Хочу вот так прижаться к твоей белой коже, – снова поцелуй в шею, от которого меня будто бы прошибает током. – Она на вкус как мед. Пробовала горный мед? Он сладкий, но с заметной горчинкой. Как и ты.

Я и чувствую, и вижу через зеркало, как одна его рука приподнимает ткань платья, открывая мои ноги. С моих губ нечаянно вырывается стон. Тихий, но он услышал:

– Горячая девочка, – босс посмеивается. – Хочу еще раздвинуть твои ножки, вот так, – он попытался совершить сказанное, но я сжала колени, не давая ему втиснуться между ними. – Теперь плохая девочка. Ну же, Вика, расслабься.

Я не знаю, что действует на меня – мое имя, произнесенное им впервые, или же его поглаживания и бархатный шепот в ушко, но я снова подчинилась.

– Смотри на себя, мышка, – приказал Дмитрий Сергеевич, поглаживая мои бедра, поднимаясь к трусикам и оставляя за собой пылающий след.

Я смотрела. На себя – растрепанную, в задранным платье, на Воскресенского – одетого с иголки, красивого, стоящего позади меня. Смотрела, не в силах завершить творящееся безобразие.

– А теперь я наконец-то сниму с тебя это гребанное платье, – скорее рычит, чем говорит мужчина, расстегивая молнию. Платье сразу же скользнуло по телу вниз и осталось лежать на полу мягкой лужицей шелка. Я теперь лишь в нижнем белье.

Выдыхаю обжигающий воздух. Слишком горячо. Я уже горю.

– Нас могут услышать... – шепчу, когда чувствую его пальцы на бедрах.

- Могут, но ты же будешь тихой девочкой? – он предвкушающе улыбнулся.

И он... Я резко выдыхаю, чтобы сдержать стон, когда Воскресенский мягко сжимает чувствительный бугорок, чтобы потом нежно погладить разгоряченную его же прикосновениями кожу.

- Правильно, мышка, молчи, – раздаётся его бархатный, с хрипотцой голос. – Ты же не хочешь, чтобы продавщицы узнали, чем здесь занимается их покупательница?

Свободной рукой он приподнял мою голову, заставляя теперь смотреть на свое красивое и безэмоциональное лицо.

- Н-н-не хочу, – мой голос дрожит. Я сама дрожу от чего-то.

- Правильно, – он все продолжал и продолжал, вызывая удушливый жар по всему телу. – Ты же хорошая девочка, мышка.

Очередное его движение пальцами взорвало во мне фейерверк, и я сжала зубы, чтобы только сдержать свой крик. Мне хорошо, плохо, горько, сладко, и все так смешалось, что не могу понять, какое чувство во мне преобладает – лишь тяжело дышу, кусая губы от прозвучавших стонов.

Внезапно тишину примерочной разрезал звук щелкнувшей пряжки ремня и растягиваемой молнии. Я вздрогнула от неожиданности.

- Что... что вы делаете? – с удивлением спросила, когда Дмитрий Сергеевич направил мою ладонь на ЭТО самое.

- Получаю компенсацию, – усмехнулся мужчина. – Сожми его, мышка.

Я задергалась в его объятиях, пытаюсь вырваться, но не получилось – босс держал меня крепко, при этом... Черт. Я испуганно посмотрела через зеркало на свои пальцы, сжимающие теперь разгоряченный член. Господи...

Почему его так много?.. Точнее, почему он такой большой?

– А теперь двигай рукой, вот так, – он направил мою кисть, и я... О, боже мой.

Возбужденная плоть оказалась твердой, но с какой-то нежной, даже бархатной кожей.

– Сильнее.

Это было... необычно, странно, непонятно, но горячо – жар до сих пор расходился по всему моему телу, заставляя пульсировать низ живота.

– Хорошая мышка, – буквально прорычал Дмитрий Сергеевич, в последний раз проводя моими пальцами по своему напряженному органу. Затем отстранился, подняв с пола темную ткань, накрыл ею стоящий член. Я сначала не поняла, почему, а едва он содрогнулся, сжимая зубы и прикрыв глаза, до меня дошло.

Это все неправильно, мерзко... только почему мне все это нравится?

А темной тканью оказались мои трусики, которые ранее он с меня снял.

Глава 9. Вечер

Виктория Солдатова

Приходила в себя я в себя быстро. На меня накатило понимание случившегося. Меня нагнули прямо в примерочной популярного бутика, а я позволила вытворять с собой такое!

Я почувствовала себя грязной, использованной и униженной. Захотелось в душ, чтобы соскрести с себя каждое его прикосновение, каждый поцелуй и каждое его слово. Жаль, только душу с мылом не вымоешь.

– Только не закатывай истерику, – поморщился Воскресенский, застегивая штаны и поправляя ремень. Он был как всегда до скрежета моих зубов спокоен и холоден, а от маски удовольствия, которая была всего несколько минут назад у него на лице, не осталось и следа. – Одевайся. Будем считать, что экзамен по выбору нижнего белья ты успешно сдала.

Я покраснела, наверное, до кончиков пальцев.

– А как же...

– Надень что-то из выбранных тобою, а это я выброшу, – будто бы говорит о погоде, а не испачканных им же трусиках, сказал Дмитрий Сергеевич и вышел из кабинки. Впрочем, по нему и не скажешь, что несколько минут назад он вытворял такое – выглядел он безупречно, пока мой вид оставлял желать лучшего.

Раскрасневшаяся, со сверкающими глазами, в одном лифчике и с растрепанными волосами. В кого я превращаюсь?!

Первым делом я вытащила из сумочки влажные салфетки и до покраснения потерла ладони и лишь затем, сорвав бирки, надела новое белье и натянула платье. Прошлась по волосам расческой, чтобы как-то их уложить и собрала в итоге их в хвост.

Мое отражение меня устроило, и я вышла из злосчастной примерочной.

Босс ожидал меня у кассы. Там, оплатив все одним касанием телефона по картридери, он забрал пакеты, и мы, наконец-то, двинулись на выход.

Кажется, у меня теперь аллергия на этот магазин...

Что было странно: в итоге покупок оказалось больше, чем я выбирала, но я не стала заморачиваться. У меня много других проблем.

– Я тебя отвезу к себе, а там ты посидишь тихо до вечера, – обратился ко мне Воскресенский, при этом не отрывая взгляда от дороги.

– Как мышка? – язвительно поинтересовалась я.

– Да. Надо же оправдывать свои прозвища, – как ни в чем не бывало ответил мужчина.

Я скрипнула от злости зубами, но решила не продолжать эту тему, а спросить про другое:

– А что будет потом, вечером?

Дмитрий Сергеевич оглянулся на меня, усмехнулся и заявил:

– Будет весело.

Что-то мне кажется, что весело будет ему, а мне как всегда плохо!

– А конкретнее?

– Мы кое-куда поедем, – вернув свое внимание дороге, произнес он. – Тебе понравится, обещаю.

Если честно, то мне уже все не нравится! И мое чутье в итоге не подвело: мне совершенно ничего не понравилось.

Сначала босс довел меня до своей квартиры, забрал из кабинета какие-то бумаги и сообщил мне, перед тем как уйти:

– Я заеду за тобой к пяти. Будь готова.

Помня его слова про вечер, я решила уточнить:

– Быть готовой как именно? Накраситься, одеться?

– О нет, мышка, – Воскресенский насмешливо на меня посмотрел, – у тебя отвратительный вкус. Там, куда мы едем, сначала смотрят на внешность и не

факт, что потом соизволят взглянуть на твою хм... как там говорят? Красивую душу.

Я сжала ладони в кулаки, лишь бы промолчать и не сказать в ответ колкость.

– Так что тобой займутся профессионалы, мышка, – продолжил Дмитрий Сергеевич, – а ты готовься предстать перед не самыми приятными людьми и улыбаться. Ты же умеешь улыбаться?

Я вам продемонстрирую свои лучшие оскалы, дорогой босс! Училась у профессионала – собственно, вас.

Конечно, ни одну свою мысль я не озвучила, но на душе все равно стало теплее.

– Пока не разучилась, – мило улыбнулась, желая, чтобы мужчина поскорее убрался.

– Отлично, – Воскресенский внимательно осмотрел меня с ног до головы, кивнул каким-то своим мыслям и – наконец-то! – ушел. Закрыв меня в своем доме. Шикарно, что еще скажешь?

Зло пнула диванчик в прихожей, кусая губы от досады. Да, глупо было надеяться, что босс не запрет меня, но... Но я глупая, потому что подобного рода надежда у меня была.

Но не в моем характере сидеть целый день и предаваться страданиям, потому я решительно направилась в сторону ванной. Сделаю себе хоть что-то приятное – приму ванну с пушистой пенкой, отдохну. Все равно до пяти еще два часа.

"Заодно смою его прикосновения", – поморщилась я, вспоминая то, что произошло в примерочной.

В "своей" комнате обнаружила все купленные с Илоной вещи и еще всякую мелочь в виде уходовой косметики. Но больше всего я обрадовалась не дорогим бутылочкам со всякими средствами, а зубной щетке. Однако на этом все мое везение иссякло, и дальше началось форменное издевательство вселенной надо мной, потому что сначала я запуталась в режимах душа, отчего не могла долго

настроить нормальную температуру, а затем я задремала в ванне. Все бы ничего, но...

– Вика! – грозный, потому как очень-очень злой, голос босса заставил рывком подняться и сесть в уже прохладной воде, пытаюсь понять, что случилось. – Мышка! Вылезай, я сейчас не в настроении играть с тобой в прятки.

Обвела окружающее пространство взглядом в поисках полотенца, хоть какого, но ничего не нашла. Черт!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/roys_eva/cena-tvoey-beremennosti

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)